

Образы земной стихии в творчестве М. Цветаевой

Язык художественного текста, направленный на эстетическое восприятие, хотя и имеет прочные корни в обыденном языке, представляет собой некоторую внутреннюю форму, то есть нечто внутри себя, обладающее содержательной ценностью. В тексте слова, получая эстетическую функцию, претерпевают изменения, становятся качественно иными

В поэзии Марины Цветаевой мы можем видеть превосходное владение всеми аспектами поэтического мастерства и широчайший охват философских, социальных и психологических аспектов жизни. Поэтические произведения Цветаевой содержат очень широкий спектр уровней сложности, у неё есть как произведения чрезвычайно простые ясные и красивые, так и сложные, требующие значительного напряжения для постижения авторской мысли, но тем не менее красивые.

Особую семантическую насыщенность в цветаевском контексте имеют образы земной стихии: *цветок – куст – дерево – лес*. С мотивом вечности, органически связанным с традиционной темой поэта и поэзии, соотносены цветаевские образы куста и деревьев. Центральный образ цикла «Куст» наделен некоторой долей абстракции. Парадигма ключевого доминанта *имуций; тогда бы цвел мне прямо в разверстую душу; полная чаша куста; от куста – тишины* и т.д. разрушает обыденное представление о реалии. Культурный компонент лексической единицы *куст* остается на периферии коннотации. С его помощью Цветаева обращается к нераскрытому феномену творчества, к условно названному первому этапу творческого процесса, который характеризуется внутренним средоточием, медитативным состоянием поэта: *...А мне от куста – тишины: / Гол, – между молчанием и речью, / ...Той – до всего, после всего...* Куст – это прибежище для души поэта. Куст манит поэта, ибо нуждается в нем. Куст и поэт взаимно необходимы друг другу, слиты, между ними существует вечная тайна, которую должен понять и раскрыть читатель: *Что нужно кусту от меня?.. / А нужно! иначе б не шел / Мне в очи, и в мысли, и в уши. // Не нужно б – тогда бы не цвел / Мне прямо в разверстую душу...* Поэту же от куста нужна только тишина творчества, Вселенной, невнятицы хаоса, которая, заполнив душу, становится творчеством. Данный образ определяет направление восприятия, формирует смысл всего стихотворения.

Будучи природным символом, дерево во многих культурах знаменует динамичный рост, природное умирание и регенерацию. Почтительное отношение к дереву в разных культурах основано на вере в

его целительную силу. У славян дерево – символ приобщения к миру предков, что обусловлено природными факторами, фольклорно-обрядовыми традициями, земледельческим укладом жизни, мифологическими представлениями о мировом древе жизни. Дерево – плод Матери-Земли. В славянской мифологии дерево рождено от брака земли и неба, его питают не только земля и вода, но и солнечный свет. Соединяя глубину и высоту в пространстве и во времени, дерево выступает как символ памяти о прошлом.

Одним из наиболее значимых факторов, определивших пантеистические тенденции в мироощущении Цветаевой, является ее глубокая, даже интимная связь с деревьями. Сам образ дерева представляет собой вертикаль, воплощенную идею стремления ввысь, а значит, по Марине Цветаевой, имеет значение сакрального. Дерево как сакральный культурный символ представляет собой мировую ось, проходящую в нескольких плоскостях: корни связаны с миром преисподней, срединный мир (земля) представлен стволом дерева, ветви символизируют *горний, небесный мир*. В интерпретации поэта наиболее значимой частью дерева является ствол, сердцевина: *Я знаю: не сердце во мне сердцевина // На все протяженье ствола*. Образ дерева соединяет цветаевские понятия, связанные с темой поэзии: идею вертикального восхождения, динамики, предельной свободы, вечности, высшей природной мудрости. Текстовая парадигма *деревья* включает следующие ассоциаты: *друзи, беглецы, вестовые, ивы-провидцы, березы-девственницы, вяз-яростный Авессалом, На пытке вздыбленная сосна...* Образ дерева приобретает дополнительную нагрузку, семантический объем слова обогащается за счет экспрессивно-образных коннотаций. Поэт привносит в их узуальную семантику свежее культурологическое звучание – деревья находятся вне человеческого измерения времени: *Это – заговор против века: / Веса, счета времени, дроби*. Они открывают иную жизнь, «по ту сторону дней», кроме забвения земных печалей лес хранит и прошлое, и таинство будущего *...пророчества речами косвенными – / Листва ли листьями? / Сивилла ль – выстонала?, ...ивовый сребролетейский плеск Плачущий .../ В слепотекущий склеп памятей...* и др. Цепочку растительных образов логически завершает образ леса, синтезирующий абстрактные понятия вечности, святости, творчества в художественном мире Марины Цветаевой. Лес в цикле «Деревья» коннотирует признаки мощи, силы, стремительного движения (*лавины, поток, потоп, ручьи, разлитвы*), которым не свойственны захват, агрессия, их действия – *струенье, свеченье, сквозенье*, но деревьям неизменно свойственна направленность ввысь, к небу (*небо – как въезд, это – сразу и с корнем / Ввысь сорвавшийся лес!*). Таким образом, обращение поэта к образам

деревьев выявляет принцип идентификации или сближения понятий человек / деревья; поэт / дерево. Мотивы отождествления человека и дерева, значимость употреблений лексем *жилы, ручьи, камни, сушь, огонь, нарост* и др., которые «обрастают» индивидуально-авторскими ассоциациями, достойно входят в культурный тезаурус нашей эпохи.

Особого внимания заслуживает параллель: «кровь – смола», свидетельствующая очеловечиванию дерева: *Березовое серебро, // Ручьи живые; Смоль. // Стонущую под нажимом*. Этот факт говорит в пользу мифологической трактовки переносов. Наиболее часто встречающимися именами концепта являются *бузина и рябина*. О.Г. Ревзина отмечает, что «рябина и бузина являются языческими деревьями и в христианской религии признаются нечистыми» [1, с. 143]. М. Цветаева ощущает связь с данными деревьями как с хранителями памяти о природном родстве человека и мира. Целью же поэта, по мнению О.Г. Ревзиной, было включение данной темы в культурную парадигму своего времени и вскрытие архетипического слоя данного концепта, причём осмысление шло по логике и чутью своего поэтического языка. Деревья лечат душу, спасают: *Деревья! К вам иду! Спаситесь // От рёва рыночного*. Они получают символическую окраску при помощи эпитетов: *дуб богоборческий, ивы-провидицы, берёзы девственницы* и т.д. Деревья устремлены ввысь (*ввысь сорвавшись лес*). Среди признаков концепта преобладают персонифицированные эпитеты: *равнодушные* (травы), *льстивые* (ивы), *ошалелые* (тополя), которые приобретают дополнительную нагрузку посредством экспрессивно-образных коннотаций.

Поэтическое словупотребление Марины Цветаевой характеризуется стремлением преодолеть стереотипное осмысления используемых лексических единиц. Это происходит за счет расширения традиционного набора семантических признаков и ассоциативных связей слов, вплоть до переосмысления их культурной значимости, привнесения в семантику некоторых из них уникальной культурной соотнесенности. Выражая свое неповторимое эстетическое видение мира и создавая прагматический эффект, поэт смело использует все ресурсы коммуникативного потенциала слова. Компоненты коннотации лексической единицы, обусловленные ее интегральными связями и ассоциативной сопряженностью с контекстом, передают важнейшую для коммуникативного акта информацию, делают общение субъективно-окрашенным, личностно значимым.

Литература

1. Ревзина, О.Г. Тема деревьев в поэзии М.Цветаевой / О.Г. Ревзина // Труды по знаковым системам. – Тарту. – 1982. – Вып. 576. – С. 141–148.